

УДК 130.2

Л.И. Кирсанова¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

О.А. Коротина²

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток. Россия

Дискурс войны: энкратический и акратический дискурс, дискурс вождей, апофатический и перформативный дискурс

Авторы исследуют не вопрос о том, что есть война, а акторов речи и языка войны (речь вождей) и три регистра речи о войне. Следует различать энкратический язык и акратический. Энкратический язык по существу является языком сообщения, обмена речевыми потоками между политическими элитами, дипломатами, титульными и зависимыми нациями и классами. Акратический язык сходен с профессиональным жаргоном, например, языки зависимых и угнетенных классов. К таковым примыкает и язык воинов, который понятен и может разделяться только теми, кто воевал.

Большую роль в формировании языка войны и приведении его к идеологическому и политическому единству играет речь Вождя народа. Голос вождя (Муссолини, Гитлер) и письмо вождя (Сталин) различны: один – говорит, воодушевляет, воздействует на эмоции, другой – опирается на страх и тайну письма, на зависимость русских от официальной бумаги, доноса, протокола и т.п. Неизвестность источника текста, его скрытый и сакральный характер включают функцию быть мобилизованным на войну, опираясь на страх. В обоих случаях мобилизационная речь остается призывом без ответа, масса остается «телом вне речи».

Ведя речь о войне важно акцентировать внимание на различии между перформативным и апофатическим дискурсом. Апофатический язык войны оповещает, заявляет, информирует, перформативный – повелевает в формах приказа, призыва и т.п. Апофатический язык является более сложным и неоднозначным, он работает на поле науки и философии. Перформативный язык прост и однозначен, как язык плаката, карикатуры, листовки и др. Язык войны по мере ее продвижения к ожесточенности и ненависти становится все более акратическим, зависимым и даже одержимым речами вождей, а также языком повелевания и воли к исполнению, т.е. перформативным.

¹ Кирсанова Лидия Игнатьевна – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и юридической психологии; e-mail: kirsanovalidiya@rambler.ru

² Коротина Ольга Александровна – канд. филос. наук, доцент Департамента философии и религиоведения; e-mail: korotina_o_a@mail.ru

Ключевые слова и словосочетания: язык войны, энкратический и акратический язык, голос вождя, письмо вождя, апофатический и перформативный дискурс.

L.I. Kirsanova

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

O.A. Korotina

Far Eastern Federal University
Vladivostok. Russia

The discourse of war: encratic and acratic discourses, the discourse of the leader, apophatic and performative discourse

The authors are researching not the question what the war is but the actor of speech and the language of war. A distinction must be made between encratic and acratic languages.

The encratic language is essentially the language messages, voice exchanges among political elites, diplomats, title and dependent nations and classes. The acratic language is similar to professional jargon, for instance, the languages of dependent and oppressed nations are acratic. The language of warriors adjoins to them, which is understandable and sharable only to those who took part in a war. The speech of the leader plays a key role in collecting of the language of war and bringing it to the ideological and political unity. The voice of the leader (Mussolini, Hitler) and the letter of the leader are different. One of them speaks, inspires, impacts on emotions while the other one is based on fear and mystery of the letter, on the dependence of the Russian on the official paper, report, protocol.

Uncertainty of the source of the writing, its hidden and sacral nature includes the function to be mobilized militarily, drawing upon fear. Either way the mobilization speech remains an unanswered call, the mass remains the body outside the speech.

The third register of speech on war is the difference between performative and apophatic discourses. The apophatic language of the war notifies, states and informs while the performative one commands in forms of orders, appeals, etc. The apophatic language is more complicated and ambiguous, it functions in the fields of science and philosophy.

The performative language is as simple and straightforward as the language of the poster, cartoons or leaflets. As the language of war progresses to bitterness and hatred it becomes more acratic, dependent and even obsessed with the speeches of the leaders as well as the language of commands, a will for implementation, thus it becomes more performative.

Keywords: the language of war, encratic and acratic language, the voice of the leader, the letter of the leader, apophatic and performative discourse.

Мы воспользовались различием энкратического и акратического языков, которое обосновано Р. Бартом, семиотиком и философом [2, с. 535–541]. Энкратический язык представляет собой природный, проистекает как бы из существа дела, это язык победителя, торжествующий, самоуверенный, подчиняющий, от него трудно избавиться. В то же время энкратический язык остается языком обмена, когда внутри каждой социальной группы, класса, нации, элиты, интеллектуалов происходит обмен одного языка на другой в пределах единой системы.

Язык войны не прекращает обменов, а даже их интенсифицирует, пронизывает все структуры общества снизу доверху, ускользание от него означает либо предательство, либо смерть. Внутри этой системы языка существуют противоречия и даже конфликты. Язык простой констатации факта соседствует с языком прямой агрессии. Проанализируем высказывания с британских плакатов Второй мировой войны: «Когда ты едешь один, ты везешь с собой Гитлера» – имеет целью побудить граждан вступить в клуб совместного использования машин, «Подлую тварь – на фонарь» – выражает агрессию и даже кровожадность. Язык войны противоречит языку гуманизма и человеколюбия, но не исключает проявление высоких образцов лирики («Жди меня, и я вернусь...»). Наилучшим языком трансгрессивного опыта было бы молчание, однако человек как существо говорящее принужден говорить о невозможном. Здесь на помощь приходит акратический язык, или, как выражается Р. Барт, язык фикций, понятный только тем, кто воевал. Разработка акратического языка лежит на сословии воинов, бывших вблизи смерти и выживших (один из последних подобных языков хорошо иллюстрирует поэзия воинов-афганцев). Акратический язык является сильной системой, потому что речь трансгрессирует через все границы и запреты языка, она способна функционировать в невозможных условиях: смерть на войне случается слишком быстро. Система языка сохраняет энергию воинов, носителей языка войны.

Большую роль в собирании языка войны играет слово лидера, вождя. Тотальная война, к которой прибегли европейские нации в 1914 и далее – в 1939, означает пребывание в непрерывном движении войны, иначе территориальное, политическое, этническое и даже биологическое единство наций (немцев, русских, англичан и др.) было бы поколеблено. Больше нет населения как такового, оно пребывает в состоянии мобилизации, обороны и войны. В силу необходимости обеспечить единение нации ее вождь должен выступить в роли посредника, который говорит (в случае Гитлера или Муссолини) или пишет, рассылает послания из сферы сокрытости (приказы Сталина). Голос власти и письмо власти – противоречия внутри языка обществ тотальной мобилизации. Гитлер говорил, воодушевлял, распалял, провоцировал, настаивал на том, чтобы его слушали. В.А. Подорога, антрополог политики, писал о том, что Гитлер был эмпириком массы, верил в величие массы, изобрел для нее ритуалы, массовые шествия и архитектурные пространства [6, с. 91]. Чтобы масса пришла в движение, требовался голос вождя, причем «это был не просто человеческий голос, но, скорее, животный или божественный». «Жечь глаголом сердца людей» не является чисто немецким изобретением. Э. Канетти напоминает об исторических параллелях: «Пророка Мухаммеда так впечатлил вид груды вражеских трупов, что он обратился к ней со своего рода триумфальной проповедью: «Эй вы, люди в цистерне! Сбылось ли пророчество вашего Господина? Пророчество моего Господина было истинным». Его соратники сказали: «О, посланник Бога! Это же только трупы!» Мухаммед возразил: «Они ведь знают, что пророчество Господина сбылось». Так собрал он тех, кто раньше не хотел его слушать. В цистерне для сожжения они в сохранности и все вместе. Он не подверг мертвых врагов инфляции, не понизил их ценность. Мертвые не представляют угрозы... но можно грозить живым и своим тоже [5, с. 157].

Человек легче переносит угрозу смерти, сохраняет выдержку перед лицом смертельной опасности, если нас всех – много. «Беспощадно разгромим и унич-

тожим врага» – приказ возвращается к своей изначальной форме – смертному приговору. Приказ к убийству исходит от вождя, человека, облеченного высшим авторитетом, доверие к нему превосходит простое уважение, перерастает в сверхъестественное благоговение ввиду смертельной угрозы. Схема влияния такова: голос – архитектурная форма – тоталитарная телесность. Жак Деррида писал о воздействии голоса на телесность: «...голос проникает в человека посредством телесных вибраций, формируя единую ритмику соответствия: голос – массивное тело... Лишь народ во плоти своей создает язык... народ владеет устным языком как целой вселенной... абсолютным властелином народа становится тот, кто владеет его языком, мифом, пафосом и др.» [4, с. 454-455].

Сталинская машина мобилизации действовала иначе: текст власти, окутанный мифическим таинством источника, отсылал к священным книгам вождя пролетариата, требовал правильного прочтения. Была выстроена иерархия «священных» текстов, которые время от времени пополнялись новыми, когда исчезали прежние, поэтому всякий, кто пытался читать, интерпретировать, подвергался опасности быть обвиненным в искажении текста. Русская культура в целом является текстоцентричной, что обусловлено масштабами страны, рассеянием масс по территории, недоверием к местной власти, розысками справедливости в верхних этажах элит, нежеланием повиноваться и др. Власть создает зависимость от слова и буквы текста, что формирует невротическое сознание и фобийную телесность [4, с. 460]. Ж. Деррида пессимистически заметил: письмо опасно потому, что в нем изображение – буква – прикидывается наличием, а знак – самой вещью. Письмо является не только лингвистическим, но и политическим злом. Когда масса возрастает, будь то масса немцев, желающих мобилизации для восстановления армии, или масса пролетариев, наскоро сформированных годами первых пятилеток индустриализации, необходимо приучение к языку мобилизации. Поскольку письмо утрачивает связь со своими истоками, чтение «сакральных текстов» (сочинений Ленина, Сталина, учебника по истории партии, философского словаря под редакцией Сталина, красной книжечки советской Конституции и др.) заключается в реактивации Первоначала, что служило поддержкой и обновлением соборно-коммунитарного состояния приподнятости, священного трепета в совокупности с ожидаемым жертвоприношением того, кто неправильно прочитал. Чтение было опасным занятием, источником трансгрессивного опыта. А. Тарковский, не утративший связи с временами угрозы ввиду «неправильного чтения», искажения буквы, ввел в свой автобиографический фильм «Зеркало» эпизод, связанный с панической атакой со стороны собственного воображаемого: женщина-редактор пугается ошибки, которую она якобы допустила в тексте. В следовании только «букве» текста власть принуждает к соблюдению правил, законов, условностей, понятных в кругу тех, кто образует массу советских людей, что не исключает самоцензуры и самопринуждения.

Как в случае Голоса вождя, так и Письма вождя запрещенным остается ответ: масса не обменивается словами с вождем, речи ударников труда или делегатов съездов партии остаются в рамках симуляций. Речь (текст) говорится или пишется так, что на них не может быть получен ответ [3, с. 287]. Говорит или пишет Один, масса остается в границах «тела вне речи», трансгрессивный опыт массы объективирует себя в форме аффектов мобилизации – праздники, демонстрации, военные и спортивные парады и проч.

Современные исследователи Ж. Деррида, Дж. Агамбен, ставя вопрос об «архе» языка, его истоке, предполагают, что перформативный дискурс является началом языка. В действии языка различают две онтологии: апофатическую речь и перформативную, другими словами, язык содержит в себе не только утверждение о вещи, событии, человеке, но повеление к тому, чтобы быть [1, с. 23–41]. Апофатический язык, или язык высказывания, не учреждает бытие, а только констатирует его как сущее, как то, что есть. Повеление есть «архе», исток, начало, приказание, повеление к бытию. Различие двух онтологий не абсолютно, ибо даже в форме высказывания, которое выявляет, существует вещь или нет, относить ли это сущее к истине или лжи, содержится то, что следует называть интенциональностью речи. Несколько замечаний об апофатическом высказывании помогут уточнить его логико-гносеологическую основу: высказывание расчленяет мир, выделяет в бытии качества, свойства так, что вещь предстает не во всей полноте бытия, а только в той части, которая интересует субъекта высказывания; язык принадлежит плану выражения или репрезентации, что означает несовпадение слова и вещи; высказывание уже интерпретирует событие, точнее является лишь одной из форм интерпретации; используется особого рода грамматика речи, за которой стоит социальный мир. Для пояснения ситуации языка войны воспользуемся примером.

В одной из листовок периода русско-японского конфликта (1938–1939 г.) было опубликовано следующее: «Японские солдаты! Что вам дает и даст завоевание новых земель и порабощение чужих народов? Сотни тысяч ваших солдат, дравшихся в Китае, стали калеками. С протянутой рукой, как нищие, они ходят по улицам городов и сел. Они голодают, спят на улицах, мрут как мухи. Они никому не нужны, им никто не помогает. Всех вас ждет такая же участь. Война нужна только генералам и богачам. Они богатеют на этой войне. Солдаты, бросайте оружие, уходите с фронта!».

К сфере констатации следует отнести высказывание о существовании территориального конфликта между Россией и Японией, о вовлеченности в конфликт третьей стороны – Китая, т.е. утверждение о том, что эти земли издавна заселены другими народами, не принадлежащими к японскому этносу. Авторы листовки допускают классовую аргументацию: на войне наживаются богатеи, а страдают бедняки. Этот социально-классовый контекст высказывания не мог быть принят японцами, для которых марксистское деление общества на антагонистические классы было чуждым. Переход от энкратического языка – общечеловеческого (из-за войны люди голодают, умирают от ран, погибшие пали в боях не за родину, а на чужой земле и др.) на акратический – марксистский сделал высказывание закрытым. Японские солдаты не сдавались в плен, их переход на сторону победителей был столь минимальным, что это нельзя было рассматривать как успех пропаганды.

Агамбен, производя различие апофатического и перформативного языков, указывает на то, что первый работает на поле философии и науки, а второй – на поле права, религии и морали. Мы, в свою очередь, заметили, что язык войны: передовицы газет, приказы, листовки, плакаты, принадлежит к перформативному дискурсу, чем более ожесточенным становится военный конфликт, тем больше речь продвигается от разъяснения, аргументации к формам повеления, угроз, приказа. Плакаты и листовки периода Великой Отечественной войны как со стороны русских, так и немцев вытесняют язык констатации и обоснования и

учреждают себя как «архе» повеления, приказа, угрозы. «Не болтай! Вы никогда не знаете, кто находится на проводах». «Остановите этого монстра. Он уже переступил предел. Это твоя война!» (американский плакат). «За Родину-мать! Победа близка!». «Ты! Чем ты помог фронту?», – заметим, что воздействие усиливалось за счет подключения визуального ряда.

Повеление как перформатив имеет прагматический характер и призван заставить адресата действовать определенным образом. Повеление «Иди! На войну!» основано на архаичной семантике языка, отсылает к магии мифа, имеет характер заклинания. Сложным остается ответ на вопрос не только о природе перформативного дискурса, но и о том, что считать исполнением приказа, если повеление не исполнил ни один человек? Агамбен высказал загадочное суждение: «Приказ, данный офицером, реализуется самим фактом своего произнесения, исполняют его или нет, не отменяет его действительности» [1, с. 23–41]. Допустим, что повеление замещает собой онтологию утверждения, а в случае доминирования языка войны приводит к их разрыву, поэтому сознание не замечает противоречия между тем языком, который является актом воли, и тем, который опирается на размышление. Во время войны никто не задумывается, что жизнь сводится к тому, чтобы волишь и мочь. Приведем в качестве примера эпизод из фильма А. Столпера «Повесть о настоящем человеке». Комиссар в ответ на сомнения Маресьева летать на протезированных ногах говорит: «Ведь ты же, советский человек!». Советский человек определяется через способность мочь невозможное, не просто мечтать, воображать, а продвигаться к исполненности на основе акта воли. Перформативный дискурс дефектен относительно бытия, он пуст с точки зрения констатации того, что есть, но он основывает мир на воле к тому, чтобы быть: я хочу и могу.

Философия языка в современном мире не замыкается на исследовании теорий высказывания, а переходит на изучение прагматики языка – идеологического, политического, военного и других дискурсов.

1. Агамбен Дж. Что такое повелевать? М.: Jrundrisse, 2013. 72 с.
2. Барт Р. Война языков // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
4. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Managem, 2000. 512 с.
5. Канетти. Масса и власть. М.: Ad Managem, 1997. 528 с.
6. Подорога В.А. Трансгрессия и предел // Новейшая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина, А.А. Гусейнова, Г.Ю. Семигина, А.П. Огурцова и др. М.: Мысль, 2010. Т. 4. 736 с.

Транслитерация

1. Agamben Dzh. Chto takoe povelevat'?. M.: Jrundrisse, 2013. 72 p.
2. Bart R. Vojna yazykov // Izbranny'e raboty`. Semiotika. Poe'tika. M.: Progress, 1989. 616 p.
3. Bodrijar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert`. M.: Dobrosvet, 2000. 387 p.
4. Derrida Zh. O grammatologii. M.: Ad Managem, 2000. 512 p.
5. Kanetti. Massa i vlast`. M.: Ad Managem, 1997. 528 p.
6. Podoroga V.A. Transgressiya i predel // Novejshaya filosofskaya e`nciklopediya: v 4 t. / pod red. V.S. Stepina, A.A. Gusejnova, G.Yu. Semigina, A.P. Ogurczova i dr. M.: My`sl`, 2010. T.4. 736 p.

© Л.И. Кирсанова, 2019

© О.А. Коротина, 2019

Для цитирования: Кирсанова Л.И., Коротина О.А. Дискурс войны: энкратический и акратический дискурс, дискурс вождей, апофатический и перформативный дискурс // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. Т. 11, № 1. С. 121–127.

For citation: Kirsanova L.I., Korotina O.A. The discourse of war: encratic and acratic discourses, the discourse of the leader, apophatic and performative discourse, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2019, Vol. 11, № 1, pp. 121–127.

DOI [dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2019-1/121–127](https://dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2019-1/121-127)

Дата поступления: 11.03.2019.